Статьи. Теория

Мария Ерофеева

Акторно-сетевая теория и проблема социального действия

Данная статья посвящена вопросу: как теория социального действия может справиться с «поворотом к материальному» в современной социологии, а именно с задачей приписывания агентности не-человеческим акторам. Проблема рассматривается на основе анализа двух возможных интерпретаций соотношения социального, материального и осмысленного в акторно-сетевой теории, которые автор называет онтологической и методологической. Автор приходит к выводу, что в акторно-сетевой теории Б. Латура на основании онтологизации семиотических моделей А. Греймаса и концепции смысла Ж. Делёза смысл действия ставится в зависимость от взаимодействия разнородных акторов, что находит выражение в концепции циркулирующей референции. Онтологическая и методологическая интерпретации акторно-сетевой теории открывают различные перспективы теоретизирования, в то время как у Латура они совмещены.

Ключевые слова: поворот к материальному, акторно-сетевая теория, Латур Бруно, теория социального действия, смысл, циркулирующая референция, следы, проводники, посредники, обобщенная симметрия.

Maria Erofeeva
Actor-network theory and problem of social action

The following article evaluates how social action theory can deal with the material turn in contemporary social theory, specifically with the problem

---

Ерофеева Мария Александровна — аспирант кафедры теории и истории социологии СПбГУ, старший научный сотрудник Центра социологических исследований при ИОН РАНХиГС, MA in Sociology Манчестерского университета. E-mail: malutcacnos@gmail.com.
Статья написана по материалам НИР «Новые горизонты теории социальных событий: создание ивент-аналитической модели исследования социального действия», выполненной по Государственному заданию РАНХиГС за 2014 г.
Erofeeva Maria Alexandrovna — MA in Sociology (University of Manchester, 2013); PhD student of Saint Petersburg State University's sociological department; senior research fellow of the Center for Sociological Research of RANEPA. Academic interests: sociological theory, sociology of everyday life, frame analysis, actor-network theory. E-mail: malutcacnos@gmail.com.

of ascribing agency to non-human agents. This issue is considered based on an evaluation of two possible ways of interpreting the relation between «social», «material» and «meaningful» in actor-network theory: ontological and methodological. In Bruno Latour's actor-network theory, through an 'ontologiziation' of both the semiotic model of Greimas and Deleuze's conception of meaning, the meaning of an action is made dependent on the interaction of diverse actors, as expressed by Latour's concept of a circulating reference. While the ontological and methodological interpretations of actor-network theory are undifferentiated in Latour's own work, they lead down fundamentally disparate theoretical paths.

Key words: material turn, actor-network theory, Latour Bruno, social action theory, meaning, circulating reference, traces, conduits, mediators, intermediaries, generalized symmetry.

Эффекты «поворота к материальному» [Вахштайн, 2006] для социологической теории подобны последствиям небольшого ядерного взрыва. В самом начале книги «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» Б. Латур, один из ключевых фигурантов данного направления, делает следующую ремарку: «Теперь, когда эта альтернативная социальная теория представлена в упорядоченном виде, читатели могут решать — пользоваться ли ей, исказить ли ее до неузнаваемости или, что всего вероятнее, все равно не обращать на нее внимания» [Латур, 2014, с. 10]. Социологи при всем желании просто не могли не заметить этой теоретической революции (хотя, по-видимому, «ритуальная социология» [Иванов, 2010] способна проигнорировать все что угодно).

Суть поворота к материальному в социологическом теоретизировании можно кратко изложить следующим образом: ранее статус материальных объектов был ограничен их функционированием в качестве инструментов действия, его инфраструктуры или проекции социальных смыслов [Латур, 2007, с. 88]. Революция заключается в приписывании объектам равного с людьми статуса в производстве действия. Концептуализация материальных объектов как активных агентов, предпринятая рядом социальных ученых в 80-90-е годы XX века, бросает вызов классической теории социального действия. До этого момента материальные объекты практически не существовали для социологов. С этого момента любой социолог, который отказался от стратегии игнорирования концептуальных и методологических новшеств, предлагаемых теоретиками предметного мира, вынужден перестраивать язык социального описания с учетом агентности материального объекта.

Какие вызовы поворот к материальному бросает теории социального действия? Социологическая теория М. Вебера пред-

полагает, что смысл является необходимым, но не достаточным условием социальности. Для того чтобы действие могло называться социальным, оно должно быть ориентировано на «других»[1]. Во-первых, поворот к материальному требует переопределения «другого» как не-человеческого (non-human) актора. Во-вторых, он усложняет соотношение между социальным и осмысленным еще одним элементом: материальным/природным/техническим. Теперь любая социологическая теория должна предлагать ответ на вопрос, как соотносятся эти три региона. Особенно сложную ситуацию поворот к материальному инициирует в области микросоциологии, поскольку стирание границы между людьми и нечеловеками влечет за собой элиминацию различия между микро и макро [Вахштайн, 2013]. В данной статье мы сконцентрируемся на второй из обозначенных проблем, а именно на двух возможных интерпретациях соотношения социального, материального и осмысленного в акторно-сетевой теории (actor-network theory, далее ANT).

Эмансипация материального объекта от гнета социального объяснения, как кажется на первый взгляд, переворачивает отношения между социальным и материальным. Если социальная жизнь становится возможной благодаря объектам внешнего мира, материальное в определенном смысле предшествует социальному и детерминирует его. Представители поворота к материальному подвержены такого рода интерпретациям уже на уровне программных заявлений. Например, так может быть понято следующее высказывание Б. Латура: «Символы не фундаментальны. Когда у них есть *прочное основание*, когда когнитивные способности достаточно *инструментализированы* и сильны, тогда, возможно, есть смысл придавать им такое значение, но не раньше». Это утверждение направлено против символического интеракционизма: взаимодействие не может основываться на обмене и переинтерпретации символов, потому что у последних есть более прочное, предельное основание. И далее: «Почему бы не обратиться к чему-то еще — к тем *бесчисленным объектам*, которые отсутствуют у обезьян и повсеместно присутствуют

1 Здесь необходимо сделать одно важное уточнение. Согласно Веберу, могут существовать осмысленные действия, которые при этом не являются социальными. Примером такого действия может служить чтение, если оно при этом не является демонстрацией своего интеллектуального уровня. Для Вебера вопрос о смысле действия не является «спаянным» с вопросом об акторах, включенных в ситуацию (что характерно для последующих линий развития его идей), однако именно вопрос об акторах является релевантным для социологии как научной дисциплины.

у людей?» (курсив мой. — *М. Е.*) [Латур, 2007, с. 87]. Таким предельным основанием полагаются материальные объекты[1].

Радикальный аналитический стиль работ Латура с его призывами свергнуть тиранию социального и обратить внимание на материальные объекты создает впечатление, что автор подстрекает к политическому перевороту в теории. Вместо тирании социального на престол надлежит возвести материальное. Амбиции автора, впрочем, гораздо серьезнее.

Смысл и социальность: модель циркулирующей референции

Основной теоретический посыл акторно-сетевого подхода направлен не на переворачивание отношений между социальным и материальным, а на ревизию соотношения «осмысленное/социальное». Далее в процитированной выше работе Латур задается следующим вопросом: «Не заблуждаются ли социологи, пытаясь сделать социальное из социального, подлатав его символическим, *не замечая присутствия объектов* в тех ситуациях, в которых они ищут лишь смысл?» (курсив мой. — *М. Е.*) [Там же, с. 88]. Данное высказывание *может быть* проинтерпретировано как свидетельство завышения роли материальных объектов в качестве конституент социальной жизни. Однако присутствие объектов там, где социологи видят лишь смысловое, *может быть* также понято как установление новых логических отношений между смыслом и социальностью действия.

По определению Вебера, социальность действия требовала некоего дополнительного элемента кроме смысла (ориентация на других), но смысл был необходимым условием социальности. Поворот к материальному с его акцентом на отношениях между акторами разной природы ставит смысл в зависимость от этих отношений. Для того чтобы действие могло называться осмысленным, необходим дополнительный критерий. Им становится взаимодействие человеческих и не-человеческих акторов.

В свою очередь не стоит полагать, что акторно-сетевая теория просто переопределяет соотношение смыслового и социального.

1 Латур иронично именует социологию обезьян «раем для интеракционистов и этнометодологов». По его мнению, названные исследовательские программы вследствие их невнимания к материальным объектам способны описывать только такие взаимодействия, в которых каждый участник может вмешаться в каждое взаимодействие. Такие взаимодействия не существуют у людей, зато присутствует у приматов.

Помимо установления новых логических отношений между этими категориями изменяется и само их содержание. Программа ANT предполагает семиотическую модель действия, а также новую социологическую концепцию смысла. Латур неоднократно указывал в своих работах, что его проект навеян идеями семиотики А. Греймаса[1]. В актантных моделях Греймаса уравнивается статус людей и вещей в грамматическом отношении. С точки зрения структуры предложения, статус агента действия зависит не от его природы (принадлежность к социальному или материальному миру), а от положения в этом предложении. Например, в высказываниях «я разбил чашку» и «чашка разбилась» «я» и «чашка» выступают в качестве подлежащего, т. е. играют роль субъекта действия. В этом смысле они оба являются актантами — неопределенной силой, индуцирующей действие.

Осуществляя онтологизацию греймасовского аргумента, Латур начинает рассматривать статус действующего по модели слов в предложении. В работе «Ирредукции», второй теоретической части книги «Пастеризация Франции», Латур в греймасовских терминах обосновывает утверждение, что слова и вещи с трудом могут быть разделены: «Невозможно в течение длительного времени поддерживать различение между теми актантами, которые будут играть роль „слова“ и теми, которые будут играть роль „вещи“» [Latour, 1988, p. 184]. Это позволяет ему расширить репертуар действующих лиц до не-человеческих акторов. В этом смысле и человек, и чашка действуют, причем действуют социально, так как почти любое практическое действие предполагает манипуляцию объектами материального мира, т. е. ориентацию на них (что они будут реагировать тем или иным образом). Однако сам статус социального в акторно-сетевой теории лишается онтологического веса: «В таком понимании прилагательное „социальное“ обозначает не вещь среди других вещей, вроде черной овцы, затесавшейся среди белых, а *тип связи* между вещами, которые сами по себе не являются социальными» (курсив в оригинале) [Латур, 2014, с. 17]. Поэтому в рамках этого языка описания неправомерно говорить о социальном действии. Нет социальных действий, но есть действия, которые производят социальность (в терминологии Латура — ассоциации).

1 «Было бы довольно точным описание ANT как полугарфинкель, полугреймас» [Латур, 2014, с. 79]. Анализ использования Латуром греймасовских семиотических моделей представлен в блестящей статье Ивана Напреенко [2013].

В результате человеческий деятель не обладает монополией на производство и манипуляцию смыслами[1]. Однако категория осмысленного (лишь имплицитно присутствующая в работах Латура) не совпадает с тем регионом, на который обычно указывают социологи, когда говорят о смысле действия, деятельности или ситуации. Здесь следует особое внимание обратить на то, к чему отсылает смысловая связь. Для этого от нас потребуется совершить небольшое отступление в философию Ж. Делёза, откуда Латур заимствует концепцию смысла[2]. Для Делёза смысл является событием, сопутствующим предложению. Событие — это то, что соединяет слова (знаки) и вещи. Событийный способ их соединения как раз и отличает латуровскую семиотику от элементов семиотического подхода, обычно используемых социологами.

Согласно Делёзу, в предложении можно выделить разные типы отношений: денотацию, манифестацию, сигнификацию. Событийный смысл не ограничивается ни одним из этих типов отношений. Он не является денотативным, потому что в таком случае он бы атрибутировался реальному состоянию дел, которое выражается предложением (корреспондентская теория истины). Он не является манифестацией, потому что не ограничен выражением психических состояний автора предложения (равно как и влиянием социальных факторов, если мы рассматриваем эти понятия применительно к миру, а не только к языку). Не является он также и сигнификацией, поскольку не ограничен структурой языка, через которую выражается предложение. Такое понимание категории «смысл» чаще всего встречается в социологии. Смысл рассматривается как универсальная модель, реализуемая во взаимодействии. Так, например, у Вебера любое действие может быть «прочитано» через код смысла; в результате оно будет отнесено к тому или иному типу действия. Смысловая связь устанавливается между миром ценностей и миром действия. Таким образом, данная модель предполагает, что за действием стоит что-то первичное (как правило, оно

1 Латур выражает это эксплицитно в отношении феноменологического проекта: «Несмотря на многочисленные усилия примирить ANT и феноменологию, зазор между двумя направлениями остается очень большим из-за того, что феноменологи делают чрезмерный акцент на человеческих источниках активности ... Это не означает, что мы должны лишить себя богатого дескриптивного словаря феноменологии. Просто мы должны распространить его на „неинтенциональные“ сущности» [Латур, 2014, с. 88]. О сходстве и различиях между ANT и другой микросоциологической теорией — символическим интеракционизмом — см. [Кузнецов, 2014].

2 На это указывают, например, Вадим Волков и Олег Хархордин [Волков, Хархордин, 2008, с. 263]. Последующее изложение идей Делёза по [Делёз, 1998; Кравец, 2005].

также номинируется в качестве социального). Говоря семиотически, действие имеет внешний референт.

Латур, онтологизируя также делёзовскую концепцию смысла, предлагает модель циркулирующей референции (circulating reference), которая отрицает существование внешних референтов [Latour, 1999; Напреенко, 2013]. С некоторым упрощением это понятие обозначает, что доступ к «самой» реальности закрыт, а связь между вещами и словами (т. е. репрезентациями вещей) может быть *прослежена* в цепочке референции. Если использовать терминологию Делёза, события смысла сцеплены между собой в цепочку. Проиллюстрируем этот тезис с помощью понятия трансцендентальных означаемых, которое использует Ж. Деррида [2000]. Смысловая связь событий может быть описана следующим образом: событие А (означающее) отсылает к событию Б (означаемое); событие Б в свою очередь является означающим для события В; В — для Г и т. д. Вопрос, который лежит в основании подобного рода цепочек, — это вопрос о ее конечности, т. е. о существовании таких означаемых, которые не являются означающими[3]. Деррида отрицает существование такого рода означаемых, которые он называет трансцендентальными. По его высказыванию, любое означаемое «изначально и по сути своей ... является *следом* и всегда уже находится в положении означающего» (курсив мой. — *М. Е.*) [Деррида, 2000, с. 203][4]. Возвращаясь обратно на язык акторно-сетевой теории, можно сказать, что у всякого действия есть только внутренний референт. А это означает, что мы имеем дело не с самими действиями, а со *следами действий*.

3 Это также вопрос о ее предельном основании. Согласно Делёзу, существуют сингулярные события, которые являются носителями первичного смысла. Все остальные события прикрепляются к первоначальным. В модели референции Латура существует понятие гарантированного референта (underwritten referent). Поскольку реальность сама по себе недоступна, мы изучаем ее по следам. Эти следы фиксируются с помощью специальных «записывающих устройств» (inscription devices), например, научных приборов. Грубо говоря, это запись (перевод) первого порядка. О понятии записывающего устройства см. [Волков, Хархордин, 2008, с. 245–247]. Концепция референции Латура может быть согласована с теорией Деррида, потому что в последней не затронут вопрос о начале референциальной цепочки. Деррида отрицает трансцендентальные означаемые, но не возможность существования первичного означаемого. О понятии первичного означаемого в теории социальных событий см. [Вахштайн, 2011а].

4 Удачное сопоставление концепции смысла Делёза с понятием трансцендентальных означаемых у Деррида мы почерпнули из работы Андрея Серикова [2009]. Также мы используем идею цитируемой статьи применить подход Делёза к анализу социологических концептуализаций категории «смысл».

Остается только ответить на вопрос, какую роль в этом новом соотношении между переопределенными социальностью и осмысленностью играют материальные объекты. Согласно Делёзу, у смысла «нет ни физического, ни ментального существования» [Делёз, 1998, с. 39]. Ключевой для философа является метафора не имеющей толщины поверхности, на противоположных сторонах которой располагаются мир смыслов и мир тел. В результате он приходит к кажущемуся парадоксальным заключению: несмотря на то что смыслы сами по себе нематериальны, они являются атрибутами материальных вещей [Там же, с. 42][1]. Позволяет ли такое понимание рассматривать, например, смысл научной теории?

Если эта трактовка философии Делёза верна, в его концепции смысл — это то, что рождается в результате взаимодействия, необходи-

1 Представления Делёза о соотношении тел и смыслов восходят к философии стоицизма. У стоиков представлена концепция взаимодействия тел как их взаимопроникновения и смешения (тела порообразны) [Волков, Хархордин, 2008, с. 267]. Однако стоит отметить, что стоическое понимание телесности не совпадает с понятием, предоставляемым нам здравым смыслом. Для стоиков телами могут быть нематериальные сущности. «Разум, утверждают стоики — это тело, проникающее и распространяющееся в теле животного, цвет — это светящееся тело, впитывающее или отражающее другое тело» [Делёз, 1998, с. 157]. В связи с этим лучше использовать понятие не тела или вещи, а сущности. Сущности могут быть как материальными, так и нематериальными. Таким образом, нельзя утверждать, что в концепции смысла Делёза сделан акцент на материальности. Нетелесный атрибут той или иной сущности (смысл) выражается в глагольной форме и отражает тип ее существования, как в высказывании «дерево зеленеет». Подобным образом ANT демонстрирует интерес не столько к самим вещам, сколько к способу их бытования (неслучайно последняя книга Латура посвящена «исследованию режимов существования» [Latour, 2013]). Ло также называет глаголы ресурсом восприятия при исследовании социального [Law, 1994, p. 2]. К. Скьёлин считает внимание ANT к глагольным формам следствием ее эпистемологической борьбы против субстанций и даже предлагает приравнять знаменитое латуровское методологическое предписание «Следуйте за акторами» к девизу «Следуйте за глаголами» [Schiølin, 2012]. О роли глаголов в философии стоицизма и у Делёза см. [Волков, Хархордин, 2008, с. 269–274]. Еще одну интересную параллель можно провести между глагольными формами и понятием виртуального, которое Латур заимствует у Делёза. По высказыванию Латура, социология ассоциаций изображает мир актуализированных виртуальностей [Латур, 2014, с. 85–86]. Последние представляют собой сущности, ограниченные существованием. Виртуальное появляется как элемент мира не вследствие природы сущего, а в результате того оформления, которое ей придает способ существования. Наконец, стоит сделать еще одну последнюю оговорку. Делёзовское понятие виртуального берет исток в философии Лейбница. О понятии виртуально сущего у Лейбница см: [Малышкин, 2013].

мым элементом которого являются материальные объекты. Тем не менее, как мы помним, Латур опирается на модели греймасовской семиотики, в рамках которой преодолевается зазор между словами и вещами. В предложении нет разницы ни между людьми и вещами, ни между материальными и нематериальными сущностями, если они занимают положение подлежащего. В. Вахштайн пишет в этой связи: «Этот обманный маневр (фокусировка на агентности вещей) скрыл под видом „поворота к материальному“ куда более фундаментальный теоретический сдвиг: рядоположение материальных и нематериальных актантов» [Вахштайн, 2014, с. 31]. Иными словами, действовать могут и нематериальные сущности (например, идеи); включение материального в качестве третьего элемента соотношения осмысленного и социального логично влечет за собой включение его концептуальной пары — идеального. Любое установление смысловых связей с необходимостью будет включать как материальные, так и идеальные элементы.

Две интерпретации акторно-сетевой теории

В модели референции, предлагаемой акторно-сетевой теорией, единственными наблюдаемыми объектами являются следы, которые оставляют материальные и нематериальные акторы в результате действия (причем как для ученых, так и для практических деятелей). Соответственно, единственное, что может делать исследователь (этимологически тот, кто идет по следу), — это документировать циркуляцию смысловых отсылок одних событий к другим, которые складываются в цепочки, в терминологии ANT — образуют сети. В этом отношении было бы точнее говорить не об исследователе, а о следопыте.

Пока оставим в стороне вопрос о возможности непосредственного наблюдения и попробуем понять, что это за следы, которые предоставлены взгляду наблюдателей. Сразу же замечаем, что далеко не все следы *предоставлены* взору. Некоторые из них видны сразу, особенно если речь идет о физической поломке или о неожиданном событии мирового масштаба, как, например, крах финансовых рынков. Некоторые сначала незаметны и поэтому должны быть проявлены в испытании или даже серии испытаний (trials/epreuves). Под испытанием понимается демонстрация способностей актанта к действию. Такие незаметные следы оставляли, например, микробы до тех пор, пока Пастер не сделал их заметными в серии своих экспериментов[1].

1 О понятии испытания см. особенно ранние работы Латура, выполненные в русле исследований науки, в частности, «Пастеризация Франции» [Latour, 1988].

Даже из этого краткого описания видно, что наблюдатели имеют дело со следами двух типов. Для иллюстрации различия между ними используем метафору сухого и мокрого следа. Представим себе, что после сильного осеннего дождя некто заходит в помещение, не ра-зувшись. На полу закономерно остаются грязные следы от обуви, которые будут с неудовольствием обнаружены уборщицей. Но непогода проходит и подобные мокрые следы, оставленные пешеходами на асфальте, высыхают, и их уже никто не найдет. Мокрые следы исчезают, а обнаружение «сухих» следов требует особого поиска. Возникает вопрос: если существуют такие невидимые следы, которые еще необходимо обнаружить, почему мы должны считаться с актантами, которые их оставили? Или иначе: что является критерием поиска для ученого-следопыта в тех случаях, когда следы не заметны сразу?

Латур дает однозначный ответ на этот вопрос. Таким критерием является выполняемая актантом работа по производству действия: «Невидимая сила, не производящая изменений, не совершающая преобразований, не оставляющая следов и не входящая в отчет — это не сила. И точка. Либо она что-то делает, либо нет» [Латур, 2014, с. 77][1]. В случаях, когда следы не видны сразу, мы должны их обнаружить, чтобы показать ту работу, которая была сделана. Этот тезис соответствует методологическому требованию ANT представлять проводников в качестве посредников[2]. Мы должны это делать, потому что и те, и другие являются работающими объектами, но работа первых не видна. Однако здесь мы сталкиваемся с противоречием. Стать проводником во многих случаях означает *перестать* работать, т. е. буквально сломаться.

1 В тексте «Где недостающая масса?» Латур развивает концепцию делегирования. Прежде всего люди делегируют объектам часть работы (work), хотя передаваться могут и другие качества (например, ценности или этические принципы). Для того чтобы увидеть эту делегированную работу, достаточно представить себе, что было бы необходимо делать каждый раз в отсутствие технологических объектов. Например, снова и снова пробивать отверстие в стене, не будь у нас двери [Latour, 1992]. В статье «Ходы мыслей» Латур наряду с термином работа (work) использует также термин труд (labor) [Latour, 1997].

2 Ключевое различение, используемое в ANT, это различение между проводниками (intermediaries) и посредниками (mediators). Проводники в буквальном смысле «проводят» действие, не трансформируя его. Посредники могут модифицировать действия непредсказуемым образом. См. особенно [Латур, 2014, с. 171–196].

По-видимому, исток этого противоречия коренится в двойственном понимании пары посредник/проводник. С одной стороны, это различение постулируется Латуром как сугубо методологическое, необходимое для документации и демонстрации способностей актанта к действию. С другой стороны, Латур неоднократно указывает на случаи поломки при описании посредников, что побуждает нас рассматривать их в качестве онтологической категории. Например, в следующем пассаже: «Особенное значение имеет разница давлений, оказываемых посредниками и проводниками: последние, как нам известно, добавляют ситуации предсказуемости, тогда как первые могут вдруг создать в ней бифуркации с самыми неожиданными вариантами дальнейшего. *В любой момент лекции что-то может выйти из строя — микрофон, громкоговоритель, даже преподавательница*. Если хоть один проводник превратится в посредника, вся ситуация, какой бы важной и контролируемой она ни была, может стать непредсказуемой» (курсив мой. — *М. Е.*) [Там же, с. 282][1].

На примере работы В. Вахштайна проиллюстрируем, как ускользает методологическая значимость теоретической программы Латура из-за ее «онтологического» прочтения [Вахштайн, 2011b, с. 171–185]. Автор находит следующую закономерность: релевантность физического контекста для взаимодействия обратно пропорциональна степени его технического опосредования. Воспользуемся примером Латура. Пассажир поезда может считать, что он и поезд существуют сами по себе, но только до тех пор, пока все идет, как часы. «Этого не произойдет, если он сядет на итальянский поезд, не говоря уже об индийском поезде; этого не случится также и в случае забастовки или другого инцидента, или просто если кондиционер работает не совсем так, как надо» [Latour, 1997, p. 187]. Когда речь идет о швейцарских поездах, степень технического опосредования высокая, и материальный контекст не играет никакой роли — пассажир может спокойно заниматься своими делами. Релевантность физического контекста нарастает, когда технологии либо недостаточно совершенны, либо дают сбои. В этом случае пассажиру все сложнее сохранять фокус внимания на своей деятельности, ему приходится отвлекаться на внешнюю среду.

1 Похоже, вопрос о соотношении методологического и онтологического в акторно-сетевой теории возникает у любого исследователя, который работает с текстами Латура. См., например, у И. Напреенко: «...является ли этот язык формальных реляций сугубо методологической наработкой или же он отражает некую онтологическую действительность?» [Напреенко, 2013, с. 87]. Автор, впрочем, не касается решения данного вопроса.

Данная трактовка соответствует интерпретации проводников и посредников в качестве онтологических категорий. Ее объяснительные возможности направлены на особый класс ситуаций, предполагающих поломку (происшествия). Такое понимание противоречит основному постулату «социологии ассоциаций»: рассматривать акторов как посредников, а не как проводников [Латур, 2014, с. 171–196]. Если же мы берем на вооружение этот методологический постулат, мы должны любое действующее лицо представить в качестве разрушительной силы, деформирующей действие[1]. Казалось бы, материальность и есть та сущностная черта, которая является прочным основанием социальности, потому что именно она создает возможность столкновения; нельзя игнорировать твердость скрепок. Однако что такое понимание объектности добавляет к концептуализации материальных вещей в классической социологической теории? Ничего, кроме большого количества сломанных и неработающих объектов.

Понять методологическую значимость различения посредник/проводник можно в контексте более фундаментального методологического требования: уравнивания человеческих и не-человеческих актантов, получившего название принципа обобщенной симметрии (general symmetry). Уравнять их — значит постулировать, что в определенном отношении между ними нет разницы. Этот теоретический ход, понятый онтологически, создает шизофреническую картину мира[2]. В пустой комнате (в которой нет людей) разворачивается прямо-таки мультипликационное взаимодействие оставленных без присмотра вещей, которое вмиг прекращается, стоит только в комнату зайти человеку. Действительно, если материальные объекты ничем не отличаются от людей в смысле их способности к взаимодействию, они должны общаться, так же, как и люди. Но так как мы не замечаем этого «общения», остается предположить, что они делают это украдкой, чтобы люди, не дай бог, не заметили!

1 Это предельная степень развития данной линии интерпретации. На самом деле в логике ANT проводники трансформируют действие без деформации. У Латура присутствует двойственное понимание пары «посредник/проводник» как онтологических и методологических категорий. «Онтологическая» трактовка этой дихотомии тяготеет к анализируемому выше способу интерпретации соотношения между социальным и материальным. Она представлена в [Latour, 1997]. «Методологическую» трактовку см. [Латур, 2014, с. 55–63]. Совместить названные трактовки можно, если «смягчить» онтологическую линию интерпретации. Например, утверждать, что материальный контекст релевантен в том смысле, что обеспечивает только возможность столкновения. Ср. «Достаточно воображаемой возможности столкновения с другими автомобилями или отсутствующими полицейскими, чтобы держать водителей под контролем» [Латур, 2006а, с. 219].

2 Мы благодарны Юрию Рыкову за плодотворное обсуждение этих идей.

Антропоморфизация объектов является одной из стратегий критики в рамках онтологического прочтения поворота к материальному, причем не только по отношению к обсуждаемой здесь акторно-сетевой теории, но и в отношении других теоретических направлений, в которых внимание акцентируется на объектах (в частности, активно развивающейся в последние годы в современной философии объектно-ориентированной онтологии).

В качестве наглядной иллюстрации позволим себе привести отрывки из рецензии на книгу одного из представителей новой онтологии Я. Богоста[1]: «Я думала об объектах... и я чувствую себя ужасно... Я считаю, что моя постель должна меня ненавидеть, я комкаю ее, ем в ней... Возможно, ей нравятся мужчины или другие матрасы, или коровы, или телефоны, или зима, или *Facebook*... Мне интересно, думают ли вегетарианцы о страданиях сои, как они это делают по отношению к коровам? Может быть, она плачет, когда ее раздавливают зубами, а коровам, наоборот, нравится превращаться в стейки. Не стоит полагать, что мы знаем, что лучше для коровы. У меня есть привычка рассказывать одни и те же истории снова и снова и, возможно, это из-за того, что истории не хотят умирать, и, если я не расскажу их, они не смогут больше дышать. Мы чистим тостеры, хотя, возможно, им нравятся крошки, потому что они напоминают им о прошлом... Возможно, гравитация всего лишь подшучивает над нами, убеждая в том, что она притягивает нас к земле, и однажды — ХАХА — она перестанет, и мы расплющимся о Землю. Может быть, гравитация заботится о нас, а мы не знаем об этом. Поняла бы гравитация, что такое шутка, задумывается ли вообще гравитация о людях?... Я слишком антропоцентрична. Компьютеры живут своей жизнью, о которой я ничего не знаю и которую никогда не смогу понять, даже если выучу их язык. Я никогда не стану компьютером, никогда не смогу думать как компьютер, чувствовать как компьютер. Прости, компьютер» [Rayward, 2012].

Несмотря на желание автора рецензии избавиться от антропоцентризма, она антропоморфизирует объекты и тем самым только усиливает эту тенденцию. В то время как Латур указывал на то, что «идео- или техно-, или биоморфизмы — все суть морфизмы в той же мере, как воплощение какого-то актанта в конкретном индивиде», призывая не путать актантов (сила, производящая действия) с их фигурациями (форма силы, существующая в отчете) [Латур, 2014, с. 79]. Уравнять человеческих и не-человеческих актантов — не значит признать, что они *онтологически подобны* людям. Это не означает, что они действуют так же или в той же форме. Это означает, что с ними необходимо считаться, какими бы *онтологически отличными* они ни были.

1 Нильс Кловайт указал нам на этот во всех отношениях превосходный фрагмент текста.

В знаменитой дискуссии Латура и Каллона с представителем Батской школы социологии научного знания Г. Коллинзом и его соавтором С. Йерли, сторонниками акторно-сетевого подхода, был высказан следующий аргумент: «Мы не утверждаем, что между ними [человеческими и не-человеческими актантами] нет никакой воспринимаемой разницы. Вопрос носит *методологический характер*» (курсив мой. — *М. Е.*) [Callon, Latour, 1992, p. 356][1]. В этом утверждении онтологическое и методологическое понимание исследуемого различения не противоречат друг другу, а одно логически вытекает из другого. Существует некая иная онтологическая действительность, не совпадающая с человеческой. Чтобы включить их обе в единый научный нарратив, необходимо приравнять их в методологическом отношении.

Стирание грани между исследовательской позицией и онтологией мира придает акторно-сетевому подходу онтологическое звучание. «Латуровское распространение социологии на исследование ассоциаций, образующихся между разными типами сущностей, сближает его подход с другой дисциплиной, а именно онтологией; он становится исследованием бытия сущего. Иными словами, социальное и бытие выражают одно и то же в социологии ассоциаций» [Schiølin, 2012, p. 783]. Таким образом, язык ANT — это методологическая наработка, призванная отразить работу онтологически различных сущностей. Поэтому используемые в этой теории категории одновременно играют роль методологических схем и маркируют специфические онтологические регионы.

1 В книге «Пересборка социального» Латур ссылается на эту дискуссию, еще раз подчеркивая онтологическую разницу между людьми и нечеловеками: «...под коллективным мы понимаем не действие, выполняемое гомогенными социальными силами, а, наоборот, действие, в котором соединяются и связываются воедино различные типы сил, и именно потому, что они различны» (курсив мой. — М. Е.) [Латур, 2014, с. 106]. В русском переводе книги эта дискуссия фигурирует как «дискуссия о ванне». Более адекватным представляется перевод «Батская дискуссия» (Bath controversy), так как Латур и Каллон отсылают к Батской школе научного знания. Однако, если учесть, что в названии работы обыгрывается идиома «Не выплесни с водой младенца», основанная на омонимии английского слова «ванна» и названия города Бат, такой перевод вполне имеет право на существование, хотя точнее было бы сказать «дискуссия о ванночке» (ведь трудно выплескивать воду из ванны). Особенно с учетом общего иронического тона данного спора: статья Коллинза и Йерли носила название «Эпистемологический цыпленок» [Collins, Yearley, 1992].

То же самое можно распространить и на различение посредников и проводников[1]. Действительно среди сущностей можно выделить такие, работа которых будет сильно отличаться от того, что мы обычно считаем работой. Несмотря на это, такие сущности следует рассматривать в качестве акторов, потому что они действуют, вносят изменения в наличное положение дел в мире. В этом отношении сломанный компьютер может совершать гораздо больше работы, чем работающий. Под работой в акторно-сетевой теории подразумевается преобразование, перевод, изменение циркулирующих по референциальным цепочкам значений. Двойственность понимания роли материальных объектов во взаимодействии не означает, что существуют только два типа действующих объектов (например, сломанные и работающие). Она означает, что мы рассматриваем все сущности как производящие действие независимо от их природы или вклада (методологическая часть аргумента).

В свою очередь любой действующий объект тяготеет к одному из двух полюсов континуума, в рамки которого он помещен. Эта идея начинает разрабатываться Латуром в уже упомянутой дискуссии, где он различает сущности по степени их стабилизации, и получает свое полное развитие в книге «Нового Времени не было» (We Have Never Been Modern) [Callon, Latour, 1992, p. 349; Латур, 2006b, с. 158]. В этой работе континуум репрезентирует отношения между сущностью и существованием. Центральным критерием различения остается степень стабилизации: сущность — то, что уже получило устойчивость; существование — то, что находится в процессе стабилизации. Онтологические различия между проводниками и посредниками могут быть проанализированы с помощью этой модели. Близость тому или иному полюсу подразумевает целый ряд взаимосвязанных характеристик. Мы фиксируем их, основываясь на работах Латура, а также других исследователей.

1 Об онтологическом характере этого различения свидетельствует предлагаемый Латуром «перечень ситуаций, когда активность объекта легко увидеть». Эти ситуации соответствуют описанию объектов как посредников не только потому, что того требует теория, но и потому, что в перечисленных ситуациях они действительно выступают посредниками (взаимодействие с инновациями или столкновение некомпетентного пользователя с технологией, несчастные случаи, поломки и забастовки). См. [Латур, 2014, с. 112–116]. Двойственная трактовка различения «проводники/посредники» является основанием для двойственного понимания сети, так как сеть представляет собой цепочку посредников. Латур явно указывает на это в тексте: «Сети действий (work-nets) давали бы возможность видеть труд, уходящий на прокладывание технических (работающих) сетей (net-works): первый термин обозначал бы активного посредника, второй — стабилизированный ряд проводников» (курсив в оригинале) [Там же, с. 185]. Мы добавим, что первый термин характеризует сеть как методологическую категорию, а второй — как онтологическую.

Свойства посредников и проводников как онтологических категорий

Проводник (сущность)	Посредник (существование)
Стабильность	Нестабильность
Предсказуемость	Непредсказуемость
Свернутость (черный ящик)	Развернутость
Непрерывность	Дискретность существования (Вахштайн)
Невидимость	Видимость (Пинч)

Выводы

Мы обратились к акторно-сетевой теории, чтобы определить, как теория социального действия может справиться с задачей приписывания агентности не-человеческим акторам. Нами выделены две линии интерпретации данного подхода (условно названные онтологической и методологической), открывающие различные перспективы теоретизирования. В первой подчеркивается детерминизм материального по отношению к социальному. В результате такой трактовки в фокус внимания теории социального действия попадает большое количество сломанных объектов и нетипичных ситуаций, однако за рамками остается исследование функционирования «невидимых» технологий и рутинных событий. Вторая линия интерпретации предполагает, что модификация теории социального действия не включает в себя переопределение отношений между социальным и материальным, вместо этого она концентрируется на соотношении социального и осмысленного. Смысл действия ставится в зависимость от взаимодействия разнородных акторов.

В текстах Латура две названные трактовки совмещены. Значение методологической интерпретации заключается в том, чтобы рассматривать любые сущности как производящие действие независимо от их природы (социальное/материальное) или вклада (поддержание/разрушение социального порядка). В результате анализ социального действия расширяется до не-человеческих сущностей, трактуемых при этом в качестве активных участников взаимодействия. Смысл онтологической интерпретации заключается в том, чтобы рассматривать как человеческих, так и не-человеческих акторов в зависимости от степени их стабилизации.

Поворот к материальному, по крайней мере в варианте акторно-сетевой теории, не переворачивает отношений между социальным и материальным. Включение материальных объектов в зону

социологического теоретизирования не приводит к завышенной трактовке их роли, а способствует ревизии соотношения осмысленное/социальное. Так, если у Вебера социальность требовала дополнительного элемента помимо смысла, у Латура смысл нуждается в добавочном условии. Им становится взаимодействие человеческих и не-человеческих акторов. Это движение сопровождается переопределением категорий осмысленного и социального, основанном на онтологизации семиотических моделей Греймаса и элементов философии события Делёза.

Во-первых, онтологический статус социального действия редуцируется, так как социальность — это не определенного вида субстанция, а результат взаимодействия разнородных сущностей. Во-вторых, человек лишается привилегированного статуса в производстве и манипуляции смыслами. Наконец, смысл рассматривается как событийная связь, соединяющая реальность и ее репрезентации.

Следствием этого является то, что смысл любого события не содержится в нем самом, а может быть обнаружен в цепочке отсылок к другим событиям. У Латура это находит отражение в модели циркулирующей референции. Единственная форма, в которой наблюдателю доступно действие, — это следы, оставленные актантами, которые его произвели. Смысл того или иного действия есть всегда только остаток смысла, распределенный в референциальной цепочке. Однако это не остаток, понятый как нехватка. Это остаток, понятый как след, свидетельство взаимодействия людей с другими сущностями, онтологически отличными от них. Решая идти по следам, оставляемым другими, акторно-сетевая теория объединяет человеческое и не-человеческое, материальное и нематериальное в единую цепь, и только целостность и развернутость этой цепи позволяет нам говорить об осмысленности событий.

Библиография

Вахштайн В.С. (2013) К микросоциологии игрушек: сценарий, аффорданс, транспозиция. *Логос*, 2 (92): 3–37.

Вахштайн В.С. (2011a) На краю привычного мира: события и их фреймы. *Социологическое обозрение*, 10 (3): 79–94.

Вахштайн В.С. (2014) Пересборка города: между языком и пространством. *Социология власти*, (2): 9–38.

Вахштайн В.С. (2006) Социология вещей и поворот к материальному в социальной теории. В.С. Вахштайн (ред.). *Социология вещей*, М.: ИД «Территория будущего»: 7–39.

Вахштайн В.С. (2011b) *Социология повседневности и теория фреймов*, СПб: Изд-во Европейского ун-та в СПб.

Волков В.В., Хархордин О.В. (2008) *Теория практик*, СПб: Изд-во Европейского ун-та в СПб.

Делёз Ж. (1998) *Логика смысла*, М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга.

Деррида Ж. (2000) *О грамматологии*, М.: Ad Marginem.

Иванов Д.В. (2010) Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 13 (2-3): 21–65.

Кравец А.С. (2005) Теория смысла Ж. Делёза: pro и contra. *Логос*, 49 (4): 227–258.

Кузнецов А. Г. (2014) Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и зона обмена. *Социология власти*, (1): 64–74.

Латур Б. (2006a) Где недостающая масса? Социология одной двери. В. С. Вахштайн (ред.). *Социология вещей*, М.: ИД «Территория будущего»: 199–222.

Латур Б. (2006b) *Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии*, СПб: Изд-во Европейского ун-та в СПб.

Латур Б. (2007) Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*, 6 (2): 79–96.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*, М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Малышкин Е.В. (2013) О виртуально сущем в феноменологии Лейбница. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия «Философия»*, 2 (4): 31–38.

Напреенко И.В. (2013) Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура. *Социология власти*, (1-2): 75–98.

Сериков А.Е. (2009) Семиотическая модель действия. *Социологический журнал*, (1): 19–46.

Callon M., Latour B. (1992) Don't throw the baby out with the Bath School! A reply to Collins and Yearley. A. Pickering (ed.) *Science as practice and culture*, Chicago: University of Chicago Press: 343–368.

Collins H. M., Yearley S. (1992) Epistemological Chicken. A. Pickering (ed.) *Science as practice and culture*, Chicago: University of Chicago Press: 301–326.

Latour B. (1999) *Pandora's hope: essays on the reality of science studies*, Cambridge, MA, London, UK: Harvard University Press.

Latour B. (2013) *An Inquiry Into Modes of Existence*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Latour B. (1988) *The Pasteurization of France*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Latour B. (1997) Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension. *Common knowledge*, 3 (6): 170–191.

Latour B. (1992) Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts. Wiebe E. Bijker, John Law (eds.) *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*, USA: MIT Press: 225–258.

Law J. (1994) *Organizing Modernity*, Oxford: Blackwell.

Rayward E. (2012) *Review of «Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing» by Ian Bogost*. (http://afinedeadsound.blogspot.de/2012/10/ive-been-thinking-about-objects-because. html).

Schiølin K. (2012) Follow the verbs! A contribution to the study of the Heidegger — Latour connection. *Social Studies of Science*, 45 (2): 775–786.

References

Callon M., Latour B. (1992) Don't throw the baby out with the Bath School! A reply to Collins and Yearley. A. Pickering (ed.) *Science as practice and culture*, Chicago: University of Chicago Press: 343–368.

Collins H.M., Yearley S. (1992) Epistemological Chicken. A. Pickering (ed.) *Science as practice and culture*, Chicago: University of Chicago Press: 301–326.

Deleuze G. (1998) *Logika smysla* [The Logic of Sense], Moscow: Raritet; Ekaterinburg: Delovaia kniga.

Derrida J. (2000) *O grammatologii* [Of Grammatology], Moscow.: Ad Marginem.

Ivanov D.V. (2010) Aktual'naia sotsiologiia: veselaia nauka v poiskakh zlykh istin [Actual Sociology: Laughing Science Searching for Wicked Truths]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 13 (2–3): 21–65.

Kravets A.S. (2005) Teoriia smysla Zh. Deleza: pro i contra [G. Deleuze's Theory of Sense: Pro et Contra]. *Logos* [Logos], 49 (4): 227–258.

Kuznetsov A.G. (2014) Simvolicheskii interaktsionizm i aktorno-setevaia teoriia: tochki peresecheniia, puti raskhozhdeniia i zona obmena [Symbolic interactionism and Actor-network theory: crossing points, divergences and 'trading zones']. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], (1): 64–74.

Latour B. (1988) *The Pasteurization of France*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Latour B. (1992) Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts. Wiebe E. Bijker, John Law (eds.) *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change*, USA: MIT Press: 225–258.

Latour B. (1997) Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension. *Common knowledge*, 3 (6): 170–191.

Latour B. (1999) *Pandora's hope: essays on the reality of science studies*, Cambridge, MA, London, UK: Harvard University Press.

Latour B. (2013) *An Inquiry Into Modes of Existence*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Latour B. (2006a) Gde nedostaiushchaia massa? Sotsiologiia odnoi dveri [Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts]. V. S. Vakhshtayn (ed.). *Sotsiologiia veshchei* [Sociology of Things], Moscow: Territoriia budushchego: 199–222.

Latour B. (2006b) *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We Have Never Been Modern], Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg.

Latour B. (2007) Ob interob»ektivnosti [On interobjectivity]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 6 (2): 79–96.

Latour B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the social: an introduction to Actor — network theory], Moscow: Higher School of Economics.

Law J. (1994) *Organizing Modernity*, Oxford: Blackwell.

Malyshkin E.V. (2013) O virtual'no sushchem v fenomenologii Leibnitsa [On Virtual Being (s) in Leibnitz's Monadology]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Seriia «Filosofiia»* [The Bulletin of Pushkin Leningrad State University, «Philosophy» series], 2 (4): 31–38.

Napreenko I. V. (2013) Semioticheskii povorot v STS: teoriia referenta Bruno Latura [Semiotic Turn in STS: Bruno Latour's theory of referent]. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], (1-2): 75–98.

Rayward E. (2012) *Review of «Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing» by Ian Bogost* (http://afinedeadsound.blogspot.de/2012/10/ive-been-thinking-about-objects-because. html).

Schiølin K. (2012) Follow the verbs! A contribution to the study of the Heidegger — Latour connection. *Social Studies of Science*, 45 (2): 775–786.

Serikov A.E. (2009) Semioticheskaia model' deistviia [Semiotic model of action]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], (1): 19–46.

Vakhshtayn V.S. (2006) Sotsiologiia veshchei i povorot k material'nomu v sotsial'noi teorii [Sociology of things and material turn in social theory]. V. S. Vakhshtayn (ed.). *Sotsiologiia veshchei* [Sociology of Things], Moscow: «Territoriia budushchego»: 7–39.

Vakhshtayn V.S. (2011a) Na kraiu privychnogo mira: sobytiia i ikh freimy [On the edge of familiar world: events and their frames]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 10 (3): 79–94.

Vakhshtayn V.S. (2011b) *Sotsiologiia povsednevnosti i teoriia freimov* [Sociology of everyday life and frame theory], Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg.

Vakhshtayn V.S. (2014) Peresborka goroda: mezhdu iazykom i prostranstvom [Reassembling the City: Between Language and Space]. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], (2): 9–38.

Vakhshtayn V.S. (2013) K mikrosotsiologii igrushek: stsenarii, afordans, transpozitsiia [To microsociology of toys: scripts, affordance, transposition]. *Logos*, 2 (92): 3–37.

Volkov V.V., Kharkhordin O.V. (2008) *Teoriia praktik* [Theory of practices], Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg.